

Инструкция 47-А

Терентий Залепукин

Терентий Залепукин

Инструкция 47-А

<https://litres.ru/74259388>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он двадцать три года проверял чужой шум. Теперь система зафиксировала шум его собственного дыхания. Инспектор Степанов получает предписание 8847-Б: устранить источник превышения...

Содержание

Глава первая. Утренняя сводка	4
Глава вторая. Инструкция № 47-А	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Терентий Залепукин

Инструкция 47-А

Глава первая. Утренняя сводка

Было семь сорок семь, когда он в первый раз услышал себя со стороны.

Не метафорически — в том смысле, в каком человек слышит собственный голос в диктофонной записи и не узнаёт его. Нет. Буквально. Он сидел за кухонным столом, перед ним лежала распечатанная утренняя сводка — лист бумаги с водяным знаком Ведомства, пахнущий офисной тишиной и дешёвым тонером, — и вдруг в тишине квартиры что-то щёлкнуло. Не в ухе. В воздухе. Будто система, которую он обслуживал двадцать три года, наконец решила заговорить с ним напрямую, без бумаги.

Он поднял голову. В комнате никого не было. Звук повторился — сухой, отрывистый, похожий на удар костяшки по столу. Только на третий раз он понял: это его собственное сердце. Просто раньше он его не *слышал*. Не как пульс в виске, а как акустическое событие, заполняющее пространство.

Он выдохнул. Щелчок исчез. Наступила та особенная тишина, которую он любил — утренняя, не нарушенная даже уличным шумом, потому что окна выходили во внутренний

двор, где ничего не происходило никогда. Он привык к этой тишине так, как привыкают к собственному запаху — перестаёшь замечать, пока кто-то не скажет.

В сводке, как всегда, были цифры. Уровень шума по району — в пределах нормы. Жалобы — три, две ложных, одна на ремонтные работы в соседнем доме. Всё как обычно. Он взял синюю ручку, собрался поставить подпись, но пальцы замерли над бумагой.

В самом низу, мелким шрифтом, который он сначала принял за техническую сноску, стояло:

«Вызов № 8847-Б. Адрес: ул. Тихорецкая, 12, кв. 7. Источник шума: биологические колебания воздушной среды. Статус: подтверждён автоматическим замером.»

Он прочитал это трижды. Адрес был его. Источник — как если бы кто-то сказал, что шумят его лёгкие.

— Ошибка, — произнёс он вслух, и голос показался ему чужим — слишком громким для такого раннего часа.

Он встал. Пол под ногами скрипнул — доски давно требовали смазки, но он всё откладывал, потому что скрип стал частью распорядка: он знал, какая доска скрипнет утром, какая — вечером, когда он идёт в туалет. Теперь он услышал этот скрип так, будто кто-то посторонний наступил на доску. Будто он сам был посторонним в собственном доме.

Он вернулся к столу, сел, выпрямил бумагу. Логика была простой: автоматические замеры ошибаются. Бывает. Особенно если датчик забит пылью — а в Ведомстве датчики чи-

стили раз в полгода, если не реже. Он должен был оформить официальный отказ, приложив контрольный замер, сделанный его собственным переносным прибором. Процедура. Он знал её наизусть.

Он открыл ящик стола, достал прибор. Металлический цилиндр размером с авторучку, на конце — микрофонная головка, чувствительная до звона. Он включил его. Прибор пискнул, замигал зелёным — калибровка в норме. Он поднёс его к губам — первая точка замера, указанная в инструкции: «ротовая полость, расстояние 5 см». Технически — замер дыхания.

Прибор пискнул дважды. На экране высветилось:

Уровень: 42 дБ. Превышение: 12 дБ.

Он не поверил глазам. Он дышал спокойно — вдох, выдох, пауза. Никакого шума. Он провёл замер второй раз — отошёл от стола, встал у окна, задержал дыхание. Прибор показал 38 дБ. Всё ещё превышение.

Он подошёл к зеркалу в коридоре — старому, в тёмной деревянной раме, которое висело здесь ещё до того, как он въехал в эту квартиру. Посмотрел на своё отражение. Лицо утреннее, бледное, со следами сна. Глаза серые — он их не любил, они казались ему выцветшими, как старые обои. Он не видел в этом лице источника шума.

— Ты спятил, — сказал он отражению. — Ты просто испугался бумажки.

Он вернулся к столу. Набрал номер Ведомства по внут-

ренной линии — короткий код, который набирал каждый день, чтобы передать сводку. Гудки. Три. Четыре. Потом щелчок, и голос — не живой. Машина.

— Отдел регистрации аномальных вызовов, — сказал голос. Женский, без интонаций, с металлическим призвуком, как будто слова выдавливались из динамика, а не рождались в горле. — Для оформления отказа нажмите один. Для подтверждения вызова нажмите два.

Он нажал один.

— Пожалуйста, приложите контрольные замеры по трём точкам, — сказал голос. — Точка А: ротовая полость. Точка В: грудная клетка. Точка В: пространство помещения. Данные должны быть переданы в течение одного часа.

— Но прибор показывает превышение, — сказал он в трубку. — Это ошибка.

Молчание. Потом:

— Данные получены не в полном объёме. Отказ не может быть оформлен.

Он почувствовал, как что-то сжалось в груди. Не сердце — что-то другое, похожее на холодную руку, сжавшую лёгкие изнутри. Он положил трубку и посмотрел на прибор. Тот всё ещё мигал зелёным — спокойно, деловито, как будто говорил: «Я всего лишь измеряю. Ты сам придумал остальное».

Он снова поднёс прибор к лицу. 41 дБ. Задержал дыхание — 39. Зажал нос и рот рукой — 15. Уровень нормы.

Убрал руку. Прибор взвизгнул — 48.

Он понял: прибор не врёт. Он измеряет то, что есть. Есть шум, который создаёт его тело, и этот шум превышает норму, и это зафиксировано, и теперь это в системе, и система ждёт от него действий.

Он сел на стул, положил прибор на стол рядом со сводкой. Сводка лежала лицом вверх, вызов № 8847-Б выглядел как приговор. Двадцать три года он проверял чужие квартиры, чужие шумы, чужие жалобы. Он знал процедуру наизусть — все формы, все инструкции, все штрих-коды. Он был идеальным винтиком — не слишком заметным, не слишком громким. И вот система заметила его. Заметила его собственное дыхание.

Он взял ручку и написал на полях сводки: «Требуется повторный замер. Техническая ошибка». Потом зачеркнул. Потом написал: «Выполнение предписания № 8847-Б начинается в 09:00». Процедура не позволяла отложить. Если он не начнёт выполнять, система зафиксирует неисполнение, и это будет уже не ошибка, а нарушение.

Он встал. Прошёл на кухню, заварил чай — чёрный, без сахара, потому что сахар в инструкции не был запрещён, но он чувствовал, что любое лишнее действие теперь будет уликой. Чайник закипел, пар пошёл над носиком, и он услышал этот звук — шипение воды, готовой превратиться в пар — как обвинение. Шум. Всё это было шумом.

Он выключил чайник. Налил воду в кружку. Чаинки кру-

жились, как маленькие рыбы в аквариуме. Он смотрел на них, и ему казалось, что они движутся в такт его дыханию — вдох, и они поднимаются, выдох, и они опускаются. Или только казалось?

Он поставил кружку на стол. Подошёл к прихожей, достал с вешалки пальто — форменное, с эмблемой Ведомства на левом рукаве. Надел. Пуговицы застегнул не до конца — оставил верхнюю расстёгнутой, потому что так было легче дышать. Теперь, когда он думал о дыхании, дышать стало трудно.

Он взял прибор, положил его в карман. Сводку — в папку. Вышел в коридор, закрыл дверь, повернул ключ два раза — как всегда. И остановился.

Снаружи было тихо. Лестница пуста. Соседи ещё спали — он знал их привычки по графикам шума, которые проходили через его стол. Старуха из квартиры 5 спала до десяти. Студент из 12 — до двух пополудни. Он стоял один в тишине подъезда, и ему показалось, что тишина — это не отсутствие звука. Тишина — это присутствие звука, который не произносится. Звук, который ждёт.

Он спустился на первый этаж и вышел на улицу. Утро было серым, с мелким дождём, который не стучал по асфальту, а просто оседал на нём, делая его маслянистым и скользким. Он прошёл к служебной машине — старой, с треснувшим лобовым стеклом, которое он всё собирался заменить, но так и не заменил, потому что заявка требовала подписей, а под-

писи требовали времени, а времени не было. Он сел за руль. Дверца закрылась с глухим стуком, который в любой другой день он не услышал бы.

Он завёл двигатель. Машина кашлянула, затарахтела, и он подумал: «Я создаю шум. Я создаю шум, который превышает норму на 12 децибел. Меня вызовут. Меня уже вызвали». И ему стало смешно — не от радости, а от абсурда ситуации: человек, который двадцать три года измерял шум других людей, стал измерением шума самого себя.

Он нажал на газ. Машина поехала. В зеркале заднего вида мелькнул дом № 12 по Тихорецкой — серый, невзрачный, с облупившейся штукатуркой, в котором он жил пятнадцать лет и который никогда не замечал. Теперь он смотрел на него и видел объект. Объект с источником шума внутри. Объект, который нужно устранить.

Он поехал в Ведомство. Чтобы выполнить предписание. Чтобы доказать системе, что он — не шум. Чтобы сделать то, что делал всегда: подчиниться инструкции и закрыть вопрос.

Он не знал, что закрывать придётся себя.

Глава вторая. Инструкция № 47-А

Ведомство встретило его привычным гулом — не громким, но навязчивым, как гул в ушах, к которому привыкаешь и перестаёшь замечать. Сотрудники сидели за столами, склонившись над бумагами, и никто не поднял головы, когда он вошёл. Он был частью фона. Частью того самого гула, который не превышал норму, но заполнял пространство так плотно, что воздух казался вязким.

Он прошёл к своему столу — в дальнем углу, у окна, выходящего на стену соседнего здания. Сел. Снял пальто, повесил на спинку стула. Достал прибор из кармана, положил рядом с клавиатурой. Прибор молчал — тёмный, металлический, как надгробная плита в миниатюре.

Он открыл системный блок, ввёл пароль. Экран засветился голубоватым светом, и первым он увидел уведомление:

«Вызов № 8847-Б. Необходимо предоставить план выполнения предписания в течение 2 часов.»

Он сглотнул. В горле пересохло, хотя он выпил чаю всего час назад. Он набрал в поисковой строке: «Инструкция по устранению источников биологического шума». Результат — один документ. Инструкция № 47-А. Он открыл её:

«1.1. Под источником биологического шума понимается любое живое существо, чьи физиологические процессы создают звуковые колебания, превышающие установленный

порог в 30 дБ на расстоянии 5 см от поверхности тела.»

Он прочитал это трижды. Живое существо. Физиологические процессы. Превышение. Он был живым. Он дышал. Он превышал.

Он прокрутил дальше. Инструкция состояла из пятнадцати пунктов. Пункт 2: «Идентифицировать источник». Пункт 3: «Изолировать источник». Пункт 4: «Уменьшить амплитуду колебаний». Пункт 5: «Провести повторный замер». И так далее, до пункта 15: «Составить акт об устранении».

Он смотрел на экран, и пальцы дрожали — так, как они дрожали только в первые годы работы, когда он боялся ошибиться в оформлении документов. Теперь он боялся не ошибки. Он боялся, что выполнит всё правильно.

— Ты смотришь на инструкцию, как на приговор, — сказал он себе вслух. Сосед за соседним столом поднял голову, но тут же опустил — не его дело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.